

А. Пелипенко,

*главный научный сотрудник отдела теории социокультурных процессов и систем
Российского института культурологии, доктор философских наук, профессор*

РОССИЯ МОЖЕТ СТАТЬ ТРАНСФОРМИРУЕМОЙ, ТОЛЬКО ПРОЙДЯ ЕЩЕ ОДИН ВИТОК РАСПАДА

Прежде всего, хотел бы отметить, что сам термин «империя» употребляется, как правило, крайне некорректно: совершенно разные вещи сваливаются в одну кучу, в связи с чем возникает множество aberrаций, приводящих к путанице. Я согласен с И. Яковенко в том, что следует различать империи колониальные и империи идеократические — это разные исторические феномены. Согласитесь, что идея ограбления колоний, так или иначе облагороженная ссылкой на «цивилизаторскую миссию», и воплощение на Земле идеократического проекта — это две совершенно разные задачи. Поэтому Англия и Россия, как империи, отличаются друг от друга самым принципиальным образом, и поиски внешнего сходства между ними лишь уведут от сути дела.

Россия, будучи идеократической империей, находится в одном ряду с Оттоманской империей, Халифатом, Византией и некоторыми другими государственными образованиями. Но происходящая сейчас на наших глазах имперская реставрация не из этого ряда. Она какая-то эфемерная, фальшивая и межумочная. Нет ощущения, что это действительно реставрация, а тем более возрождение. Наоборот, кажется, что это некая умозрительная, внешняя, наносная конструкция, которая просто «дожигает», «доиспользует» последние оставшиеся ресурсы. Я имею в виду вовсе не нефтедоллары. Речь идет о ресурсах более глубоких — ментальных, культурных. И все они либо исчерпаны полностью, либо находятся на грани исчерпания. Обратите внимание, с каким упорством современная официальная пропаганда в поисках позитивных мифологем обращается к прошлому. Исключительно к прошлому! В будущее она просто боится заглядывать, потому что как только «кончатся цены» на нефть... Какое уж там будущее...

Говорят о том, что разыгрывается националистическая карта и что национализм в перспективе ведет к межнациональным конфликтам. Это так. Но парадокс в том, что наше неоимперское сознание не может не быть националистическим, а реализация националистических принципов ставит крест на всех имперско-идеократических проектах. Есть выход из этой ситуации? Выхода нет.

Точно так же ни к чему не приведут попытки выстроить империю на основе православия, потому что средневековая нетрансформируемая конфессия не способна в современных условиях «вытянуть» имперский теократический проект, а о коммунистических идеях вообще говорить не приходится. Поэтому о них никто и не говорит.

У идеократии сегодня нет ресурса. А если так, то банкротство всех ее нынешних имитаций — вопрос времени. Да, есть фигура президента, есть какие-то замыкающиеся на нее идеологические построения. Но это, как говорят постмодернисты, «семулякры», некая пустая форма, эксплуатирующая психологическую, ментальную инерцию.

Поэтому я солидаризуюсь с теми, кто считает, что Россия как целое нетрансформируема. Она может стать трансформируемой, только пройдя еще один виток распада, и нынешний политический режим вольно или невольно этот процесс ускоряет. Кстати, хотел бы обратить внимание на то, что о распаде, о котором еще лет пять-шесть назад говорили с каким-то сакральным ужасом, теперь говорят совершенно спокойно. Психологическая готовность к такому развитию событий в обществе постепенно вызревает. Я не хочу давать этому никаких оценок, просто констатирую совершенно реальную, на мой взгляд, перспективу.

Теперь относительно интеграции России в Европу. Эту перспективу можно обсуждать только в контексте глобальных проблем, которые здесь тоже затрагивались. Диспозиция фронтиров, ментальных пространств, которые в ближайшее время мы будем наблюдать в мире, представляется мне следующим образом.

Евро-атлантическая цивилизация уже сейчас раскалывается на два сегмента. Первый включает в себя людей постлогоцентрического сознания, или, как иногда говорят, людей «цифры», идущих на смену людям «слова». Для описания этого качественно нового типа ментальности я использую термин «новая естественность». Второй сегмент — те, кто вслед за Руссо продолжают повторять, что если люди не хотят быть свободными, то надо их сделать свободными силой. Это инерционная, нисходящая ветвь традиционного европейского логоцентризма.

Этому конгломерату будут противостоять худо-бедно объединенные силы другого логоцентризма во главе с исламским фундаментализмом. Это тот тип логоцентризма, который проявляется, грубо говоря, в бросании самолетов на небоскребы. И дело тут не в бедности или каких-то других материальных причинах. Речь идет о взыскании некой божественной истины, которой бросает вызов несправедливо живущий заокеанский «дядя Сэм».

Таковы эти два фронта. Будущее России будет зависеть от того, какую позицию она займет по отношению к ним: или солидаризируется с идущим в последний бой логоцентризмом со всеми его имперско-идеократическими и прочими ценностями, или воспримет новую стилистику жизни, признаки которой мы наблюдаем в глобальных процессах современности. Проблема, однако, в том, что и сама Россия неоднородна.

Часть российского общества давно является «европейской» и уже устала ждать того момента, когда же наконец страна войдет в Европу. Дождется ли? Не знаю. Другая часть населяющих Россию людей, возьму на себя смелость это утверждать, не станут европейцами никогда. Позитивного решения такой мен-

тальный конфликт не имеет. И это еще один, как мне кажется, аргумент в пользу неизбежности дезинтеграции и распада России на регионы, внутри которых будут доминировать те или иные цивилизационные парадигмы. Потому что, повторяю, однородного общества, являющегося носителем какого-то единого монастроения или каких-то общих для всех ценностей, в России сегодня нет.

И в заключение два частных замечания.

Первое. А. Гольц очень точно охарактеризовал армию как модельный центр империи. Я бы только добавил к этому один культурологический штрих. Армия — не просто модельный центр, но и универсальная форма социализации человека в условиях империи. Однако России при этом еще и очень «не повезло». Дело в том, что в ней на древний, архаический пласт догосударственного общества, т.е. на общинный мир, была крайне неудачно «надета» программа большого общества, программа государства. И этот болезненный разлом воспроизводится на протяжении всей российской истории, проявляясь в бесконечном перетягивании каната между архаичными локальными догосударственными мирами и полудиким деспотическим государством. Армия является одним из мощнейших институтов, адаптирующим к государственной жизни, «приручающим» догосударственного «варвара». Но то, что было возможно раньше, сегодня уже не получается.

И второе замечание. Российская империя — феодальная по своей природе. Феодальная империя — это тот максимум, та самая высокая точка «потолка», до которой Россия может прийти в своем имманентном развитии. Я имею в виду развитие, которое совершается само собой, без участия внешних стимулирующих и подталкивающих сил. Как только это внешнее воздействие прекращается или ослабевает, Россия естественным образом вновь скатывается к форме феодальной империи. А о том, какова может быть судьба такой империи в современных условиях, я уже говорил.

А. Коновалов,

*президент Института стратегических оценок, кандидат технических наук,
профессор кафедры прикладной политологии ГУ — ВШЭ, МГИМО*

АРМИЯ «МЕТРОПОЛИЕЙ» НЕ БЫЛА И НЕ ЯВЛЯЕТСЯ

Сопоставлять постимперскую Британию с постимперской Россией в самом деле некорректно и даже, на мой взгляд, бессмысленно.

Во-первых, я не очень уверен, что к России вообще применим термин «империя». Дело не в том, что она принадлежит к иной, чем та же Британская, разновидности империй. Дело в том, что она не вписывается ни в одну из этих разновидностей. Уж больно это странное образование. Хотя бы потому, что никакой метрополии мы в России не найдем. Относительно тезиса А. Гольца, что «метрополией»